ПАССАЖИРКА ИЗ СЕДЬМОГО ВАГОНА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Антон Елисеев

Пассажирка из седьмого вагона

«Автор»
2026

Елисеев А.

Пассажирка из седьмого вагона / А. Елисеев — «Автор», 2026

Начальница поездной бригады Надежда Орлова уверена: в седьмом вагоне поезда Москва — Минск была женщина, которую она видела собственными глазами. Однако в служебной выборке вагона пассажирки нет — будто она никогда не садилась в поезд.Надежда привыкла отвечать за людей и не собирается отказываться от собственного свидетельства, даже когда в её профессионализме начинают сомневаться. Независимый эксперт Максим Левин сперва больше доверяет документам, чем памяти Надежды. Но чем тщательнее они проверяют факты, тем больше вопросов возникает к безупречным на вид отчётам — и тем опаснее становится поиск женщины, которой, по бумагам, не было.Чтобы докопаться до правды, им придётся поставить на карту репутацию, безопасность и зарождающееся доверие друг к другу.

© Елисеев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Седьмой вагон 5
Глава 1. Не отправлять 5
Глава 2. Шестое место, седьмой вагон 9
Глава 3. Вязьма 14
Глава 4. Перед Смоленском 17
Глава 5. Сумка до Минска 22
Глава 6. В списке её нет 26
Глава 7. Два времени 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Антон Елисеев
Пассажирка из седьмого вагона

Часть I. Седьмой вагон

Глава 1. Не отправлять

В половине десятого вечера дверь седьмого вагона закрылась с таким убедительным стуком, что молодой проводник облегчённо выдохнул.

Надежда Орлова попросила открыть её снова.

— Зачем? — не удержался он. — Я же показал.

— Покажите ещё раз.

Проводник поднял наружную ручку, потянул дверь к себе, затем захлопнул. Теперь она остановилась на едва заметной щели. Металлический край дрожал от сквозняка, но не притягивался к раме.

— Вот зачем, — сказала Надежда.

Молодой человек перестал улыбаться. Над краем его форменного воротника проступило красное пятно. На перроне стояли люди с чемоданами; двое уже начали раздражённо спрашивать, почему их не впускают. У одного мужчины был огромный чёрный футляр, и он всё время ставил его на ноги соседке.

Надежда отодвинулась, пропуская проводника внутрь тамбура.

— Найдите старшего механика. И до устранения неисправности через эту дверь никого не сажайте.

— Так до отправления меньше часа.

— Я вижу часы.

— Если задержим посадку, потом напишут на меня.

Она посмотрела на него. У проводника были усталые глаза и совсем новые перчатки, которые он ещё не научился снимать одним движением.

— Если человек упадёт на ходу, писать будет некому, — сказала она. — Идите.

Он ушёл по переходу, дважды оглянувшись на дверь, словно та могла исправиться из вежливости.

Надежда переписала время обнаружения неисправности в свой блокнот. Не потому, что забывала такие вещи: времена она помнила лучше лиц. Просто в разговорах с начальством память всегда оказывалась чем-то подозрительным. Бумага, даже мокрая от ноябрьского снега, вызывала больше уважения.

Над перроном гремело объявление о прибытии пригородного поезда. Запах влажной одежды смешивался с горячим воздухом из открытых вагонных дверей. Белорусский вокзал поздним вечером никогда не казался Надежде торжественным. Он был похож на кухню большой семьи перед праздником: каждый спешит, каждому мешают, а если кто-то начнёт кричать, найдутся ещё трое желающих ему ответить.

Она работала на этой линии достаточно долго, чтобы различать обычное недовольство и настоящую тревогу.

— Нам в седьмой, — сказала женщина с ребёнком, прижимая к груди распечатку билета. — Он уже спит. Можно через соседний?

— Можно. Сейчас покажут проход. Только держите его за руку на ступенях.

Мальчик, вопреки утверждению матери, бодрствовал и с интересом разглядывал железнодорожные сцепки. Надежда проводила их взглядом и вызвала по связи коллегу из соседнего вагона, попросив помочь с посадкой.

Через минуту зазвонил служебный телефон.

— Орлова, вы из-за двери подняли ремонтников? — спросил дежурный голос, не поздоровавшись.

— Да.

— У нас всё расписано по минутам. Пассажиры уже жалуются.

— Пусть жалуются мне. Ремонтники где?

— Сказали, разберутся на месте. Можно временно закрыть этот вход и провести посадку через шестой.

— Мы так и делаем. Но отправлять вагон с ненадёжной дверью я не подпишу.

На другом конце провода помолчали.

— Надежда Викторовна, вы ведь понимаете, сколько замечаний потом будет?

— Понимаю. Потому и записываю.

Она закончила разговор, прежде чем ей предложили компромисс, который пришлось бы объяснять письменно.

Сколько лет она проработала на железной дороге, столько ей и говорили: будьте разумнее. Под этим обычно имели в виду — не делайте неприятность видимой. А когда неприятность всё-таки становилась бедой, находился человек, который должен был объяснить, почему ничего не записал.

Из соседнего вагона вернулся проводник. Теперь он принёс инструментальный чемоданчик, а следом шёл крепкий мужчина в серой рабочей куртке.

— Где не держит? — коротко спросил тот.

Надежда показала. Механик дважды проверил ручку, что-то подцепил тонким инструментом и выругался себе под нос. Молодой проводник стоял рядом так неподвижно, словно его вызвали на экзамен.

— Неправильно работает защёлка, — сказал механик. — Дайте свет.

Проводник послушно поднял фонарь телефона.

Надежда отошла к переходу, чтобы не мешать. В этот момент мимо неё прошла женщина в тёмно-зелёном пальто. Её сумка висела на длинном ремне так низко, что при ходьбе задевала колено. Женщина остановилась возле открытой двери купе, пропуская навстречу пожилого пассажира, и почему-то задержала взгляд на Надежде.

— Простите, вы начальник поезда?

— Начальница поездной бригады. Что случилось?

— Ничего.

Женщина произнесла это слишком быстро. На вид ей было чуть за тридцать. Волосы убраны за уши, одна прядь выбилась и прилипла к воротнику. Она стояла в проходе с той напряжённой вежливостью, с какой люди подходят к закрытой двери незнакомой квартиры: уже решили постучать, но ещё надеются, что им никто не откроет.

— У меня вопрос, — сказала она. — Если пассажир оставит вещи в вагоне, а сам уйдёт, что вы делаете?

Надежда посмотрела на сумку, потом опять на женщину.

— Смотря какие вещи и где оставит. Сначала ищем владельца, сообщаем ответственным службам, оформляем находку. Если есть основания беспокоиться за человека — сообщаем о происшествии.

— А если его нигде нет?

— Тогда тем более не делаем вид, что он просто забыл сумку.

Женщина чуть заметно кивнула. Надежде показалось, что ей нужен не ответ, а подтверждение чего-то уже известного.

— Вы кого-то ищете? — спросила она.

— Нет. Я сама еду.

— Ваш вагон?

— Шестой.

Это прозвучало отчётливо. Женщина показала в сторону перехода и сделала шаг, словно собираясь уйти, но Надежда остановила её ещё одним вопросом:

— Вам нужна помощь?

— Пока нет.

Надежда слышала такое «пока» и от пассажиров, которым уже становилось дурно, и от коллег, боявшихся признаться в ошибке. Она не умела после него сразу отворачиваться.

— Если понадобится, скажите проводнице. Или попросите найти меня.

— Хорошо. Спасибо.

Женщина прошла через седьмой вагон к шестому, держа сумку перед собой, чтобы не задевать дверные ручки. На пороге перехода оглянулась — не на Надежду, а в сторону перрона, где люди продолжали тесниться у закрытого входа.

Потом исчезла за дверью.

— Надежда Викторовна!

Механик держал в руке маленькую деформированную деталь. Он положил её на ладонь проводника.

— Вот это заедало. Сейчас заменим, но сначала проверить надо.

Надежда подошла.

— Сколько?

— Минут десять, если без сюрпризов.

— Если будет сюрприз, скажете сразу.

Механик посмотрел на неё с уважением, которого она не заслуживала: от неё требовалось только не мешать человеку делать работу.

В вагоне стучали колёса чемоданов. Кто-то разлил чай в коридоре; проводница соседнего вагона попросила салфетки. За стеклом тяжело и медленно повалил мокрый снег. Надежда вышла на перрон и попросила пассажиров отойти от неисправного входа.

Мужчина с чёрным футляром заявил, что платил за нормальную посадку и намерен жаловаться.

— Вы имеете на это право, — ответила Надежда. — Сейчас проведём вас через шестой вагон.

— А вы хоть знаете, что у меня внутри?

— Нет.

— Виолончель.

— Тогда тем более не стоит толкаться на ступенях.

Мужчина замолчал, будто ему отказали в удовольствии поспорить, и позволил проводнику принять футляр.

В двадцать два часа пять минут ремонтник наконец позвал Надежду. Дверь проверили несколько раз подряд. Она закрывалась плотно и больше не отходила от рамы.

— Попробуйте сами, — предложил он.

Надежда попробовала. Потом попросила повторить проверку проводника.

— Хорошо, — сказала она, когда тот справился без заминки. — Время устранения запишите отдельно от времени обнаружения. И свой доклад мне принесите до отправления.

— Обязательно.

— Не «обязательно». Сейчас.

Парень снова покраснел, но на этот раз не от страха. От досады. Надежда почти сказала ему что-нибудь мягкое, однако сдержалась: утешение перед сдачей записи он мог принять за разрешение сделать её кое-как.

Когда он ушёл, она растёрла костяшки пальцев, пересохшие от ветра и антисептика. В одном кармане у неё лежала шариковая ручка, в другом — неиспользованный пакетик чая. Ручку она доставала постоянно; о чае вспоминала только к концу смены.

В кабинке начальника поезда было слишком жарко. На столе лежала стопка сведений от проводников, и в каждом листе всё выглядело так, будто люди уже заняли свои места, неисправности устранены, а ночь обещает пройти спокойно.

Надежда разложила перед собой короткий отчёт о двери седьмого вагона.

В графе «Выявлено» она написала время.

В графе «Устранено» — другое.

Её заместитель заглянул в дверной проём.

— Может, не надо так подробно? Приезжаем в Минск, там всё равно никто не спросит.

— Тогда отчего ты переживаешь, что я подробно пишу?

Он усмехнулся, не нашёлся с ответом и скрылся в коридоре.

Надежда ещё раз перечитала запись. Указала вход, состояние двери после ремонта, фамилию ответственного работника. Ни одно из этих слов не делало ночь безопасной. Но теперь хотя бы было видно, с чего она началась.

В 22:22 состав плавно тронулся.

Сначала за окном сдвинулись лица провожающих, потом край платформы, потом белые буквы на тёмной стене вокзала. Надежда привычно дождалась, пока движение станет ровным. В коридоре кто-то рассмеялся: ребёнок обнаружил, что поезд поехал, и повторял это взрослым с такой радостью, словно те могли не заметить.

Надежда закрыла журнал и направилась проверять вагоны.

В шестом было тепло. По крайней мере, в проходе. Проводница торопливо убирала с поручня чужой шарф. Дальше за купейными дверями кто-то спорил о нижней полке, и Надежда услышала знакомое: «У меня в билете написано».

Она прошла мимо, не вмешиваясь. Разговор пока не требовал её участия.

У дальнего окна стояла пустая чашка из-под чая. Надежда подняла её, чтобы не упала при толчке, и на секунду задержалась возле стекла. В чёрном отражении поверх её лица проплывали редкие огни окраины.

Она вспомнила женщину в зелёном пальто — не лицо даже, а интонацию одного слова.

«Пока».

Надежда поставила чашку на ближайший откидной столик. Вопрос о найденных вещах не был поводом для служебной записи. Люди спрашивали о многом: где выходить, сколько длится стоянка, разрешат ли разбудить соседа, если он храпит. Нельзя же превращать каждый разговор в происшествие.

Но она всё-таки оглянулась на переход между шестым и седьмым вагонами.

Там никого не было.

Из-за соседней двери донёсся голос проводницы:

— Подождите минуту, я проверю отопление.

Надежда двинулась на звук.

Глава 2. Шестое место, седьмой вагон

Алина Миронова поняла, что в купе холодно, только когда поезд тронулся.

До этого ей казалось, что дело в открытой двери, в ноябрьском воздухе, который пассажиры приносили с платформы на пальто и шарфах. Теперь дверь закрыли, колёса застучали на стрелках, а холод никуда не исчез. Из-под окна тянуло так, словно за металлической панелью оставили щель на улицу.

Напротив сидел мужчина в вязаном свитере. Он читал что-то на планшете, периодически проводя пальцем по экрану. На верхней полке возилась девушка с наушниками. Четвёртое место пока оставалось свободным.

Алина поставила сумку к ногам и посмотрела на телефон.

22:27.

До Минска оставалась целая ночь. Там её ждал человек, которого она никогда не видела. И которого ей настойчиво рекомендовали не предупреждать о своём приезде заранее.

Это последнее условие тревожило её больше остальных.

— У вас тоже холодно? — спросил мужчина.

Алина подняла голову.

— Да.

— Я думал, это только мне кажется. Они, наверное, отопление ещё не включили.

Он поднялся, пощупал стену под окном и разочарованно хмыкнул.

— Даже не тёплая.

Из коридора послышался голос проводницы:

— Сейчас посмотрим. Пожалуйста, пока не закрывайте дверь.

Алина снова взглянула на экран. Сообщений не было.

Она открыла переписку с Радой Зориной.

«Поедешь — ничего не подписывай, пока не прочтёшь. Даже если скажут, что времени нет».

Последнее сообщение пришло утром. Алина прочитала его, наверное, раз двадцать.

Она набрала: «Я уже в поезде».

Посмотрела на написанное, стёрла.

Вместо этого отправила одно слово:

«Еду».

Почти сразу появились две серые галочки.

Ответа не последовало.

Алина убрала телефон.

В соседнем купе кто-то громко рассмеялся. Мужчина напротив наконец отложил планшет и застегнул куртку. Девушка наверху попросила закрыть дверь, потому что в коридоре разговаривали.

Жизнь вокруг продолжалась с обидным равнодушием.

Ещё днём Алина сидела у себя на кухне, разложив перед собой распечатки сменных ведомостей. На одной странице стояла её подпись.

Не самая страшная подпись в её жизни, говорила она себе тогда. Обычная рабочая бумага. Исправленные часы, которые бухгалтерия всё равно потом пересчитает. Люди получат свои деньги в следующем месяце.

Прошло несколько месяцев.

Деньги люди так и не получили.

Она задвинула сумку глубже под полку.

— Простите.

В дверях появилась молодая проводница с тёмными волосами, собранными в тугой хвост.

— Я Лера. По отоплению: сейчас проверяем. Возможно, придётся вас временно пересадить.

— Всех? — спросил мужчина.

— Пока не знаю. Сначала посмотрим, что можно сделать.

— А мы что, до Минска в куртках ехать должны?

Лера не стала отвечать сразу. Она подошла к окну, проверила рукой панель, затем присела возле нижнего края стены. Движения у неё были быстрые, но неуверенность выдавали глаза: она явно надеялась, что неисправность окажется пустяковой.

— Я сообщила старшему, — сказала она, поднимаясь. — Попробуем решить.

— Это что значит — попробуем?

— Значит, что я не собираюсь оставлять вас здесь мёрзнуть.

Мужчина посмотрел на неё с неожиданным одобрением.

Алина тоже.

Ей хотелось сказать девушке что-нибудь хорошее, но Лера уже вышла.

В 22:34 телефон завибрировал.

Номер был незнакомый.

«Консультация перенесена. Минск отменяется. Вам необходимо выйти в Смоленске. Подробности отправлю дополнительно».

Алина перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Номер российский. Подписи нет.

Она открыла переписку с Радой и сделала снимок экрана.

«Тебе известно, что встречу перенесли?»

На этот раз сообщение осталось с одной галочкой.

Алина набрала номер, с которого пришло уведомление. Послышались гудки. После четвёртого включился механический голос, сообщивший, что абонент временно недоступен.

Она попробовала ещё раз.

Результат не изменился.

В Смоленске она никого не знала.

Точнее, знала одного человека. Петра Глебова.

И очень не хотела, чтобы он узнал, где она находится.

***

В 22:43 Лера вернулась.

— Можем предложить другое место, — сказала она. — В седьмом вагоне есть свободное. Такой же категории. Если согласны, я вас переведу.

Мужчина в свитере тут же встал.

— Мне подходит.

— Одно место, — уточнила Лера. — Пока одно.

Он сел обратно.

— Чудесно.

Алина посмотрела на сумку.

— Я могу перейти.

— Вы уверены? — спросил мужчина. — У вас хоть пальто тёплое.

— Мне всё равно не спится.

Это была неправда.

Ей хотелось спать так сильно, что последние три дня она путала слова и забывала, зачем вошла в комнату. Но остаться здесь, слушать чужое недовольство и ждать сообщений было ещё хуже.

Лера помогла ей снять сумку с крючка.

— Билет покажите, пожалуйста.

Алина открыла электронный билет. Проводница сверила фамилию и данные поездки со своей рабочей записью.

— Миронова Алина Сергеевна?

— Да.

— Шестой вагон. Всё правильно. Я отмечу, что вы перешли. Билет остаётся ваш, не выбрасывайте и не удаляйте.

Она сказала это с такой серьёзностью, что Алина невольно улыбнулась.

— Не собиралась.

Лера улыбнулась в ответ, впервые за весь разговор.

Они вышли в коридор.

В переходе между вагонами пахло холодным металлом и резиной. Под ногами дрогнул пол. Алина придержала сумку, чтобы ремень не попал в щель у двери.

На мгновение вспомнилась женщина, с которой она разговаривала до отправления.

Начальница поездной бригады.

Надежда.

Имя она услышала от ремонтника, который громко звал её по имени-отчеству.

Тогда Алина ещё не понимала, зачем вообще подошла к ней.

Просто увидела женщину, которая отказалась закрыть глаза на неисправную дверь, хотя вокруг все торопились. Люди ругались, кто-то требовал отправления по расписанию, а та стояла у вагона и спокойно повторяла: сначала исправить, потом ехать.

Алина давно не встречала людей, говоривших «нет» без попытки заранее извиниться.

В седьмом вагоне было заметно теплее.

— Здесь, — сказала Лера.

Свободное нижнее место находилось в купе, где уже устроились пожилая женщина и мужчина лет сорока с небольшим. Он поднял голову от книги, когда Алина вошла.

— Добрый вечер.

— Добрый.

Пожилая пассажирка посмотрела на проводницу.

— Ещё одну подселяете?

— Временно, из шестого. Там проблемы с отоплением.

— Лишь бы здесь не сломалось.

— Очень надеюсь, что не сломается.

Лера помогла Алине устроить вещи, затем задержалась у двери.

— Вам удобно?

— Да, спасибо.

— Если будут вопросы, я рядом.

Алина проводила её взглядом.

Пожилая женщина поправила подушку и почти сразу отвернулась к стене. Мужчина вновь взял книгу.

Алина сняла зелёное пальто, аккуратно сложила его и положила рядом. В сумке лежали паспорт, кошелёк, зарядка и несколько вещей, без которых она могла бы обойтись. Всё остальное осталось дома.

Бумаги она везла отдельно от обычных вещей. Каждый раз, когда думала о них, ей хотелось проверить, на месте ли они. Она заставила себя не делать этого при посторонних.

Поезд набирал скорость.

В 22:51 телефон снова завибрировал.

«Подтвердите, что получили информацию о Смоленске».

Алина ничего не ответила.

Через минуту пришло второе сообщение:

«В Минске вас никто не встретит. Не теряйте время».

Она почувствовала, как холодеют пальцы.

Это уже не походило на обычный перенос встречи.

Юрист, к которому она ехала, должен был получить копии документов через Раду. Алина знала его фамилию, адрес и время консультации. Зачем ему писать с неизвестного номера? Почему он не назвал себя?

Она снова позвонила Раде.

Длинные гудки.

Никто не ответил.

Алина выключила звук и положила телефон экраном вниз.

— Плохие новости? — спросила пожилая женщина.

Алина вздрогнула.

— Что?

— Смотрю, вы вся побелели. Может, воды?

— Нет, спасибо. Просто рабочее.

— Рабочее ночью — самое противное.

Женщина вздохнула, повернулась обратно к стене и больше вопросов не задавала.

Алина прислонилась к перегородке.

Она пыталась представить, что сделает, если выйдет в Смоленске. Найдёт освещённое кафе. Позвонит Раде. Дождётся утра. Может быть, обратится в полицию.

Но для этого нужны были причины, которые можно объяснить чужому человеку без получасовой истории.

«Мне пришло подозрительное сообщение» — разве этого достаточно?

А если сообщение настоящее?

Тогда её ждут в Смоленске, а она уедет в Минск и сорвёт единственный шанс поговорить с юристом.

Она закрыла глаза.

Рада говорила: сначала проверь, кто просит тебя что-то сделать.

Алина знала это правило.

Слишком хорошо знала.

И всё равно однажды поставила подпись, потому что начальник сказал, что иначе пострадают другие.

***

В 23:12 она вышла в коридор.

Лера сидела на откидном сиденье и заполняла бумаги. Перед ней лежала сменная ведомость. Девушка водила ручкой по строкам, сверяясь с билетом на экране служебного устройства.

— Извините, — сказала Алина.

Лера подняла голову.

— Что-то не так с местом?

— Нет. Здесь тепло. Я хотела спросить: если человеку нужно выйти раньше своей станции, он может?

— Конечно. Только предупредите проводника заранее. И вещи не забудьте.

— А билет?

— До Минска так до Минска. Вы же не обязаны ехать до конца.

— Понятно.

Лера посмотрела на неё внимательнее.

— В Смоленске хотите выйти?

Алина не ответила сразу.

— Возможно.

— Тогда ближе к станции скажите. Стоянка короткая, лучше подготовиться заранее.

Лера вернулась к ведомости.

Алина уже собралась уходить, когда заметила, что девушка задержала ручку над одной строкой.

— Что-то не получается?

— Да нет, — пробормотала Лера. — Сейчас.

Она вписала что-то в графу, рядом поставила маленькую отметку и закрыла лист другим бланком.

— Вам больше ничего?

— Нет. Спасибо.

Алина отошла к окну.

За стеклом было почти непроглядно. Иногда в темноте появлялись огни домов, быстро удалялись, и снова оставалось одно отражение.

Она достала телефон.

Новое сообщение пришло в 23:16.

«Алина Сергеевна, не заставляйте людей искать вас по всему поезду».

Она перечитала его дважды.

До этой минуты Алина ещё могла убедить себя, что речь идёт об ошибке, перепутанном расписании, плохо организованной встрече.

Теперь кто-то не просто знал её имя.

Кто-то знал, что она уже в поезде.

И считал, что вправе за ней следить.

Алина медленно подняла голову и посмотрела вдоль коридора седьмого вагона.

У одной из дверей стоял мужчина, которого она раньше не замечала. Он разговаривал по телефону вполголоса, отвернувшись к окну.

Когда Алина посмотрела в его сторону, мужчина закончил разговор и убрал телефон.

Он не подошёл к ней.

Даже не взглянул.

Алина заставила себя вернуться в купе.

За её спиной тихо щёлкнула дверь.

Она не знала, имеет ли этот звук к ней хоть какое-то отношение.

Но впервые с момента отправления подумала не о том, как добраться до Минска.

А о том, как выйти из поезда так, чтобы никто не решил за неё, куда идти дальше.

Глава 3. Вязьма

Почти час Надежда не могла отойти от шестого вагона. Проводница спорила с пассажиром из купе, где перестало греть, механик пытался выяснить, почему после нормальной проверки система опять выдавала холод, а диспетчер по связи интересовался исключительно одним: влияет ли неисправность на движение состава.

— Пока нет, — ответила Надежда. — Но если люди не смогут спать, у нас будет не только движение.

— Философию оставьте до Минска.

Она дала отбой и повернулась к Лере Соболь.

— Разберитесь с размещением. Не обещайте всем сразу то, чего у нас нет.

— Я проверю свободные места, — ответила Лера, коснувшись карандашом края ведомости.

Проводница была из тех, кто при неприятном разговоре начинал улыбаться. Надежда отучала её от этого почти год: пассажиры принимали улыбку за издевательство, а начальство — за готовность согласиться с чем угодно. Пока не получалось.

У купе, из которого жаловались на холод, сидела девушка лет двадцати в розовой толстовке, натянув капюшон на лоб. Увидев Надежду, она сказала:

— Нам не нужно никаких компенсаций. Просто дайте одеяло.

— Если вы хотите пересесть, скажите. Постараемся найти место.

— Я хочу остаться с мамой. Она уже заснула.

Девушка отодвинулась, показывая женщину под двумя пледами. Той было жарко в лице и холодно в ногах. Надежда попросила Леру найти дополнительное постельное бельё и сообщить о состоянии пассажирки. Ничего необычного: одна неисправность, три разных желания, ни одного решения, которое устроило бы всех.

В вагоне зашуршали пакетами, загремели крышки чайных стаканов. Кто-то торопился допить свой кипяток до сна, кто-то просил разбудить в Вязьме. Ещё одна пассажирка потеряла узкий тканевый мешочек с лекарствами и подозревала соседей. После десятиминутных поисков мешочек обнаружился в кармане её собственного плаща. Женщина рассмеялась слишком громко, а потом заплакала от облегчения. Надежда выслушала её извинения и принесла воды.

В коридоре встретился старший проводник, тот самый, который предлагал не писать подробно о дверной неисправности.

— Вы опять всё сами, — сказал он. — Надо ребятам доверять.

— Я доверяю. Потому и прошу докладывать.

— Да они боятся лишнее сказать.

— А я, значит, должна догадываться?

Он хотел пошутить, но передумал. Несколько секунд они слушали, как за стеной вагонного туалета кто-то пытается закрыть заедающую дверь.

— Надежда Викторовна, вы ведь знаете, что после истории с дверью на нас будут смотреть внимательно.

— Знаю.

— Может, по отоплению можно мягче написать? Не неисправность, а временное снижение температуры.

— Если температура снизилась из-за неисправности, это и пишем.

— Слово к слову. К утру доклад размером с роман получится.

— Главное, чтобы пассажиры к утру не получили воспаление лёгких вместо романа.

Старший проводник ушёл, оставив за собой недовольное покачивание головы. Надежда поймала себя на том, что отвечает людям резко ещё до того, как дослушает. Это было плохо. Усталость не давала права превращать любую просьбу в спор о честности.

Она вернулась к купе с пожилой женщиной и извинилась за долгую проверку. Та поинтересовалась, сколько Надежда не спала.

— Не считайте, — сказала Надежда.

— А я посчитаю. У вас лицо, как у моего сына перед дежурством.

— Ваш сын тоже на железной дороге?

— В больнице. Поэтому и не звоню ему ночью.

Надежда неожиданно задержалась возле открытой двери. Женщина достала из сумки два домашних печенья и протянула ей одно. Та отказалась, потом всё же взяла. Печенье было сухое и почти без сахара. От этого стало особенно вкусно.

В 00:47 Надежда наконец добралась до служебного места. В маленькой тесноте было тепло, как в перегретой кладовой. На краю стола остыл чай. Она выпила два глотка, поморщилась и проверила время следующей остановки.

Телефон показал непрочитанное сообщение от сестры: «Ты опять в ночь? Мама спрашивала, когда зайдёшь».

Она набрала ответ, но стёрла. С матерью они разговаривали по воскресеньям, и каждый раз разговор заканчивался одинаково: пора думать о себе. Сестра говорила мягче, но смысл не менялся. Надежда не умела объяснить, что думает о себе, только когда остальные уже разобрались со своими делами. Иногда ей казалось, что дома её никто не ждёт именно потому, что она слишком давно научила всех обходиться без неё.

Она написала: «После рейса заеду. Передай привет».

Ровно в тот момент по связи сообщили о пассажире, пытавшемся выйти перед остановкой, чтобы «размяться прямо сейчас». Надежда поставила чашку и пошла разбираться. Мужчина в лёгких ботинках стоял у тамбура, сердился на закрытую дверь и уверял, что поезд почти не движется.

— Выйдете в Вязьме, если успеете, — сказала она. — На ходу двери не открываются для прогулок.

— Вы со всеми таким тоном?

— Только с теми, кто собирается гулять под колёсами.

Он выругался, но отошёл. Идти следом оказалось труднее, чем произнести последнюю фразу: Надежда чувствовала, как за спиной расползается неприязнь. Мужчина жаловался уже соседям. Утром, вероятно, жалоба будет на бумаге.

В 00:55 состав сбавил ход. В коридорах оживились люди, заранее собравшие сумки. Проводники проверяли, кто выходит, кому помочь с багажом, кто задержался в туалете и не слышит объявления. На соседнем пути стоял грузовой состав. Его грязные платформы медленно проплывали в свете фонарей.

Надежда вышла на подножку первой и вдохнула сырой воздух. После духоты вагона он показался почти весенним. Она ещё раз проверила, чтобы возле ступеней не толпились встречающие и никто не тянул тяжёлые чемоданы из рук проводников.

— Осторожнее, — сказала она девушке, шагнувшей на мокрую ступень. — Не спешите.

Та благодарно кивнула.

Надежда отвернулась всего на секунду, чтобы посмотреть на часы. За спиной что-то тяжело стукнуло о металлический край ступени, и послышался испуганный вскрик.

В Вязьме пожилой пассажир едва не упал со ступеней. Надежда успела подхватить его за локоть, а проводник — тяжёлую дорожную сумку, которая потянула мужчину следом.

— Поставьте вы её на землю, — сказала Надежда.

— Там лекарства. Я думал, сам донесу.

— Лекарствам тоже полезно доехать целыми.

Мужчина недовольно шевельнул губами, но сумку отпустил. На платформе было сыро, снег не ложился, а сразу превращался в чёрную кашу. Часы над входом показывали десять минут второго. Надежда знала, что поезд стоит недолго, и потому особенно раздражалась, когда люди пытались решить за эти минуты всё: позвонить родственникам, выкурить сигарету, сбегать за пирожками и вернуться в последний момент.

Пассажира усадили на ближайшую скамейку в тамбуре. Выяснилось, что у него заболела нога. Он всё время говорил, что «это пустяки», а когда Надежда предложила помощь, спросил, не придётся ли из-за него задерживать состав.

— Если понадобится, задержим, — ответила она.

Он посмотрел на неё так, будто она предложила остановить течение реки.

В седьмом вагоне горел приглушённый свет. Проходя по коридору, Надежда увидела женщину в зелёном пальто. Та стояла у окна, держа телефон на уровне груди. Экран освещал лицо снизу. Женщина не заметила Надежду и резко повернулась только после сообщения о скором отправлении.

— Всё в порядке? — спросила Надежда.

— Да. Я просто не сплю.

— Это не нарушение.

Женщина коротко улыбнулась, но смотрела уже за плечо Надежды, в сторону служебного перехода.

Оттуда прошёл мужчина в тёмной куртке с пропуском подрядной организации на шнурке. Он поздоровался с проводником и назвал отдел, в котором работал. Надежда машинально проверила, куда тот направился. Для сотрудников обслуживания проход по согласованной служебной надобности был обычным делом. Подозревать каждого, кто носил пропуск, означало бы вообще перестать работать.

— Не замёрзли? — спросила она у женщины.

— Нет. Здесь тепло.

Надежда отметила это скорее из профессионального любопытства. Она не видела перевода из шестого вагона. Ей показалось, что пассажирка просто вышла из своего купе.

В тамбуре проводник сообщил, что пожилому мужчине стало легче и тот отказался от медицинской помощи. Надежда ещё раз поговорила с ним сама, убедилась, что он понимает предложенные варианты и твёрдо намерен ехать дальше. Только после этого вернулась к своим записям.

Служебная ночь была устроена из мелких решений, которых никто не замечал, пока одно не оказывалось неверным.

В 01:26 они снова поехали.

Надежда собиралась хотя бы двадцать минут посидеть в тепле, но увидела в проходе Леру Соболь. Та держала свернутый лист, явно разыскивая кого-то, и вдруг свернула обратно.

— Лера! — позвала Надежда.

Девушка остановилась.

— Ты ко мне?

— Нет, Надежда Викторовна. По местам уточняла.

— Тогда сначала уточни, потом сдашь сведения.

Лера кивнула слишком поспешно. Надежда запомнила её растерянное лицо, но ничего не спросила: у каждого проводника на новом рейсе случались моменты, когда простой бланк казался хитрее всего поезда.

Она ещё не знала, что именно этот бланк через несколько дней станет предметом ожесточённого спора.

***

Глава 4. Перед Смоленском

В 02:17 Надежда поймала себя на том, что считает не часы до Минска, а причины не заходить в собственное служебное купе. В шестом вагоне снова проверяли отопление. В девятом девушка попросила найти потерянный зарядник. В пятом мужчина заявил, что ему мешают разговоры за стеной, хотя там уже два часа никто не разговаривал.

— Вам надо спать, — сказала проводница пятого вагона. — Хоть сорок минут.

— Сорок минут сна — это издевательство.

— Тогда двадцать. На двадцать соглашайтесь.

Проводница была женщиной с редким даром не пугаться начальства. Её звали Тамара, и она одна могла предложить Надежде присесть так, будто давала распоряжение младшей сестре. Они когда-то вместе начинали на пригородных рейсах. Тогда у Надежды ещё не было привычки заранее ждать подвоха в каждом предложении.

— Не могу, — сказала она.

— Конечно. Поезд же без вас немедленно свернёт в лес.

Надежда сдалась и села на откидное сиденье. Тамара поставила перед ней стакан чая и ушла, не дожидаясь благодарности.

Из коридора доносилось приглушённое гудение вентиляции. За окном в темноте иногда мелькала чья-то сторожка, светлый прямоугольник кухни, где, возможно, ещё не ложились. Надежда подумала о собственной квартире. Там на подоконнике стояла герань, которую она поливала по отъездам, а в холодильнике лежал суп, сваренный в воскресенье. Суп она наверняка выбросит, не успев съесть.

Телефон зазвонил раньше, чем она сделала третий глоток.

— В седьмом купе у пассажира давление, — сказала проводница. — Он просит таблетку, но свою не находит.

— Чужих лекарств не даём. Узнайте, какие у него есть назначения. При необходимости организуем помощь.

Мужчина встретил Надежду рассерженно:

— Мне плохо, а меня спрашивают, где я лечусь. Как будто я на экзамене.

— Я не врач, — ответила она. — И не хочу сделать вам хуже, угадывая таблетку.

— В вагоне всегда были аптечки!

— И сейчас есть. Но не всё из аптечки подходит для давления.

Он отвернулся. Надежда связалась с ответственными службами, уточнила возможность медицинской помощи на ближайшей станции, попросила проводницу оставаться рядом и наблюдать за самочувствием пассажира. Когда разговор закончился, мужчина неожиданно сказал:

— У меня жена врач была. Она тоже всегда спрашивала по сто раз.

— Значит, осторожная была.

— Была. Умерла в прошлом году.

Надежда присела рядом. Несколько минут он рассказывал о жене: та любила ездить на поезде, потому что в дороге, по её словам, все люди хотя бы ненадолго знают свою цель. Он вёз в Минск её фотографии дочери. Они давно не виделись.

Надежда слушала, не пытаясь подобрать утешительную фразу. Ей казалось, что незнакомец говорит именно потому, что ему никто не обещает решить его горе.

Когда она вышла, он уже успокоился. Но теперь ей требовалось найти место, где можно сообщить медикам уточнённые сведения, не разбудив половину состава. Времени до Смоленска оставалось меньше часа.

Возле служебного перехода Лера Соболь тихо разговаривала с другой проводницей. Обе замолчали, увидев Надежду. Она остановилась.

— Что-то произошло?

— Нет, — ответила Лера. — По сменной ведомости сверяемся.

— Сейчас?

— Хотим закрыть расхождения до прибытия.

— Не закрывайте их только ради красивых цифр. Если что-то осталось, так и укажите.

Лера улыбнулась слишком быстро.

— Конечно.

Надежда отошла, но чувство недосказанности осталось. Девушка явно чего-то боялась. Надежда решила вернуться к разговору утром, когда не будет спешки. Это решение позднее казалось ей самым обычным и самым мучительным одновременно.

Она достала блокнот, записала просьбу о помощи пассажиру и время обращения. Затем пошла через седьмой вагон. У одной из дверей стояла пожилая женщина в халате поверх ночной рубашки.

— Вы начальница? — спросила она.

— Да.

— У нас девочка какую-то бумагу пишет. Сидит и пишет. Может, ей плохо?

— Какая девочка?

— В зелёном пальто. У нас в купе. Она сперва ходила в коридор, теперь вернулась, достала листочек и сидит.

Надежда вспомнила женщину с осторожным вопросом до отправления. Её беспокойство было заметно даже на переполненном вокзале; теперь оно вернулось ночью, в тепле, без очевидной причины. Но пока у Надежды не было оснований вмешиваться в чужую переписку или расспрашивать пассажирку на глазах у соседей.

— Если она попросит помощи, позовите, — сказала Надежда. — А то, что пишет, — её дело.

— Я и не лезу. Просто ночь какая-то тревожная.

Надежда улыбнулась. Женщина поправила пояс халата и пошла обратно в купе.

Через стекло двери Надежда на секунду увидела сидящую Алину. Та держала блокнот на коленях, водила пальцем по двум коротким строкам и, прежде чем отложить бумагу, оглядела коридор. Не было похоже, чтобы она писала письмо близкому человеку. Но и причин считать происходящее опасным Надежда не находила.

Она могла бы зайти и спросить ещё раз, не нужна ли помощь. Вместо этого в соседнем вагоне её позвали к служебному телефону: состояние мужчины с давлением требовало нового уточнения. Надежда мысленно отложила разговор на несколько минут.

Состав шёл ровно, покачивая спящих пассажиров. Кто-то кашлянул за тонкой стенкой, кто-то осторожно перевернул стакан на подстаканнике, чтобы тот не звенел. Ночь на железной дороге никогда не бывала совершенно тихой. В ней оставалось столько мелких звуков, что их отсутствие было бы куда страшнее.

Приближалось время Смоленска. Надежда проверила, где находятся проводники, убедилась, что медицинская помощь согласована, и направилась обратно к седьмому вагону. Она всё-таки собиралась поговорить с женщиной без свидетелей — не как начальница с подозреваемой, а как один взрослый человек с другим.

Перед дверью в тамбур из служебного телефона раздался короткий сигнал. Надежда не стала брать трубку: сначала хотела пройти ещё несколько шагов.

К трём утра поезд затих. Даже те, кто ещё час назад обсуждал погоду, наконец разошлись по купе. За окнами то и дело возникали чёрные полосы леса и редкие огни.

В 02:56 Надежда встретила женщину в зелёном пальто у прохода к тамбуру. В руках у пассажирки ничего не было. Она стояла, прижимая ладони к рукавам, и, казалось, собиралась что-то сказать.

— Мы скоро в Смоленске, — предупредила Надежда. — Вам выходить?

— Я ещё не решила.

— Лучше решить до остановки. Стоим недолго.

Женщина кивнула, но не пошла в купе.

— Можно спросить? Вы до отправления говорили о забытых вещах. Вы действительно составляете запись, если что-то найдёте?

— Если потребуется, оформим.

— Даже если хозяин уехал?

— Сначала попробуем выяснить, что произошло.

— А если будут говорить, что ничего не было?

Надежда присмотрелась к ней.

— Кто будет говорить?

— Не знаю.

Это было уже не праздное любопытство. Надежда хотела предложить поговорить в служебном помещении, но из соседнего вагона её позвали: пассажиру стало плохо, нужна была помощь с вызовом медиков на станцию.

— Подождите меня здесь, — сказала Надежда. — Я вернусь.

— Не нужно, — быстро ответила женщина. — Идите. Там важнее.

Надежда не стала спорить. Позже она много раз возвращалась к этой минуте, пытаясь понять, что именно услышала: просьбу, предупреждение или только вопрос. Но ни одно воспоминание не позволяло честно добавить к сказанному слово «спасите».

Алина осталась одна. Она смотрела на закрывшуюся дверь, за которой исчезла начальница бригады, и держала в кармане телефон с очередным сообщением: «Встречающий будет у выхода. Документы с собой».

Ей хотелось выбросить телефон в окно. Вместо этого она написала на листке из небольшого блокнота: «Проверьте смены двенадцатого. Ищите не билет, а людей».

Она долго думала, следует ли назвать чью-то фамилию. Но если записку первой увидят те, от кого она скрывается, фамилия станет подсказкой не для помощи, а для новой угрозы.

Алина сложила листок и оставила его с телефоном в своей дорожной сумке. Аппарат выключила. Паспорт и бумажные копии ведомостей убрала под одежду. Последнее решение она приняла не потому, что верила незнакомым отправителям сообщений. Она надеялась, что оставленные вещи заставят тех, кто ищет её, задержаться в поезде, а у неё появится время найти настоящего человека, с которым назначена встреча.

Это была плохая надежда. Но другой у неё не осталось.

В Смоленске двери открылись в 03:19. Из купе вышли несколько сонных пассажиров. Алина постояла в коридоре, прислушалась к голосам. Леры поблизости не оказалось. Пожилая соседка спала.

В 03:23 Алина ступила на платформу.

Первым чувством было не облегчение, а досада. Алина долго готовилась к поездке, собирала документы, боялась опоздать к юристу, потом поверила неизвестному сообщению и теперь стояла на чужом вокзале, в три часа ночи, с одним паспортом и тонкой папкой в кармане. Если встреча окажется поддельной, виноватой во всём будет только она сама.

Она посмотрела назад. В седьмом вагоне горели сонные окна, проводник стоял возле двери, встречающие торопливо заглядывали в лица выходивших людей. Знакомой фигуры не было. Она вспомнила, как Надежда сказала: «Если потребуется, сообщим о происшествии».

Хотелось вернуться, попросить эту женщину задержать её до Минска, провести туда, где назначена настоящая встреча.

Но поезд уже стоял. Время требовало решения.

Алина пошла вдоль платформы не спеша, стараясь выглядеть обычной пассажиркой. Она слышала, как за спиной кто-то жалуется на холод, ребёнок зовёт отца, мужчина в телефон говорит: «Я приехал, да, уже вышел». В обычных голосах было утешение. Мир не знал о её страхе и не собирался замолкать ради него.

Она остановилась возле информационного указателя и проверила маршрут к вокзальному залу. Телефона при ней не было: она оставила его с сумкой, надеясь, что любое последующее обнаружение заставит людей задавать вопросы. Теперь это решение казалось глупым. Невозможно было даже позвонить Раде и спросить, где она должна встретиться с юристом.

В кармане пальто лежала небольшая бумажка с номером контакта, переписанным утром. Алина сжала её пальцами, убедилась, что не потеряла. Она могла бы найти телефон-автомат, если такой вообще ещё оставался, или попросить позвонить кого-нибудь из работников вокзала. Но сначала нужно было попасть в освещённое место и разобраться в себе.

В одном из окон проходящего мимо состава отразилась её фигура. Женщина в зелёном пальто, с усталым лицом, без багажа. Алина подумала, что со стороны выглядит странно. Слишком легко узнать, слишком мало вещей для международного рейса. Она поправила воротник и пошла дальше.

***

В этот момент ей вспомнилось двенадцатое ноября. В бухгалтерии было жарко, за дверью кто-то ругался из-за задержанных денег, а начальник положил перед ней табель со знакомыми фамилиями.

— Подпиши. Потом поправим.

— Там люди уволены.

— Формально. Они выходили по договорённости.

— Но часы не совпадают.

— Алина, не начинай. Если не подпишем объём, вообще ничего не перечислят. Ты хочешь оставить всю смену без денег?

Она подписала. Не потому, что поверила каждому слову. Потому что боялась оказаться той, кто остановит и без того шаткую выплату. Потом повторяла себе, что вечером всё исправит. Вечером пришли другие бумаги. Через неделю сотрудники так и не получили обещанного.

Теперь она держала документы, которые могли подтвердить этот обман. И всё ещё пыталась решить, когда нужно перестать доверять человеку, уверенно говорящему от имени других.

Она не знала, что делать, если у вокзала действительно ждут люди Глебова. Но знала, что возвращаться к нему добровольно не собирается.

Алина дошла до края платформы и остановилась под яркой лампой. На минуту закрыла глаза. В голове всё ещё звучало старое приказное: «Подпиши, потом поправим».

— Нет, — сказала она вслух.

Проходивший мимо пассажир обернулся. Она смутилась и сделала вид, что обращалась к кому-то по телефону.

Зелёное пальто выделялось среди тёмных курток. Она прошла мимо киоска, не оборачиваясь. Вдали стояли люди, встречавшие ночной поезд. Ни одного знакомого лица.

За спиной проводник объявил окончание посадки.

В 03:29 поезд ушёл дальше, увозя её сумку и телефон.

Надежда в это время разговаривала с медиками. Пассажир остался под наблюдением, необходимую помощь организовали. Когда она вернулась в седьмой вагон, коридор был пуст.

Она прошла мимо закрытого купе.

Не заглянула внутрь.

Ей казалось, что женщина, обещавшая подождать, просто передумала говорить.

***

Глава 5. Сумка до Минска

После отправления из Смоленска вагонные часы показывали половину четвёртого. Надежда записала, кому передала информацию о пассажире, которому понадобилась помощь, и вернулась проверить, что все сопровождавшие его бумаги остались на месте. Проводница устало кивала и всё время поглядывала на пустую полку, словно там могла возникнуть ещё одна работа.

— Вы сами-то как? — спросила Надежда.

— Ноги гудят. Но до Минска доживём.

— Постарайтесь не героически. По очереди отдыхайте.

— Вы тоже.

Они обменялись улыбками, в которых было больше понимания, чем веселья.

Седьмой вагон встретил их привычным полумраком. За дверями спали люди, от горячей воды с кухни пахло металлом, в проходе стоял чей-то чемодан. Надежда уже собиралась убрать его в сторону, но обнаружила бирку с номером купе. Она постучала, разбудила владельца и попросила занести багаж внутрь. Тот возмутился: чемодан не мешал никому целый час.

— Я верю, — ответила Надежда. — Только если будет нужно быстро пройти, этот час не поможет.

Мужчина нехотя подчинился. Дверь закрылась, и Надежда вдруг заметила, как у неё дрожат руки от холода, накопившегося за стоянку. Она сцепила пальцы за спиной и прошла дальше.

На маленькой табличке возле служебного помещения был приклеен бумажный лист со списком жалоб пассажиров на отопление. Все строки уже были отмечены: переселение, дополнительное бельё, временная помощь, повторная проверка механика. Надежда задержалась на слове «переселение».

— Кого перевели? — спросила она у проводницы, появившейся из тамбура.

— Лера из шестого с кем-то разбиралась. Я ещё не видела окончательных сведений.

— Тогда пусть сдаст утром отдельно.

— Хорошо.

На этом разговор оборвался. Надежду вызвали из другого конца вагона: женщина не могла открыть дверь туалета и боялась, что механизм заклинило. Оказалось, она просто повернула фиксатор не в ту сторону, а из-за усталости запаниковала. Надежда помогла ей выйти и, пока та благодарила, услышала негромкий стук колёс на новом участке пути.

В короткие минуты перед находкой Надежда думала не об исчезновении, а о том, как довезти людей спокойно. Именно поэтому воспоминание о дальнейшем так долго причиняло боль: беда не предупреждала, что уже началась. Обычная работа продолжалась рядом с ней почти без изменений.

Один из пассажиров спросил, на сколько поезд опаздывает. Она посмотрела на часы и ответила. Другой захотел узнать, есть ли утром горячая каша. Надежда направила его к проводнице. Третий, совсем молодой парень, заглянул в коридор и спросил:

— Тут никто чёрную зарядку не находил?

— Пока нет. Оставьте номер купе.

Парень назвал номер, поблагодарил и ушёл. Надежда записала его просьбу. За десять минут она успела решить три маленьких вопроса, которые завтра никто не вспомнит.

Но одна просьба так и осталась без ответа. Женщина в зелёном пальто до сих пор не появилась. Надежда мысленно вернулась к её словам: «А если будут говорить, что ничего не было?» Тогда вопрос показался странным. Теперь он начинал звучать иначе.

В коридоре послышались быстрые шаги. Молодая проводница выглянула из купе, в котором временно разместили пассажирку из шестого вагона. На лице у неё было выражение человека, который боится назвать случившееся вслух.

— Надежда Викторовна, подойдите, пожалуйста.

Надежда пошла следом. По дороге увидела пожилую соседку в халате. Та стояла у своей двери, вцепившись в край воротника, и повторяла:

— Я думала, она сейчас вернётся. Она сказала, что выйдет ненадолго.

— Куда? — спросила Надежда.

— Не знаю. Может, к проводнице.

— Когда?

— Перед станцией. Я задремала.

Свидетельница говорила честно и потому неточно. Надежда не требовала от неё числа и минут, которых та не могла вспомнить. Она только попросила остаться поблизости, если потребуется уточнение.

У открытой двери купе проводница остановилась и указала на нижнюю полку.

В 03:43 Надежда вошла в купе, куда её так настойчиво позвали.

— Здесь вещи. Пассажирки нет.

Дорожная сумка стояла у нижней полки. На ней лежал выключенный телефон. Пожилая женщина, занимавшая соседнее место, уверяла, что соседка собиралась выйти в Смоленске. Мужчина с книгой помнил только, что она ушла в коридор.

Надежда присела возле сумки, не касаясь её.

— Кто трогал?

— Я только заметила, — ответила проводница. — Телефон сверху был. Я ничего не открывала.

— Хорошо. Позовите второго сотрудника. И запишите, как именно увидели.

Проводница смутилась:

— Так вы думаете, что-то произошло?

— Я пока думаю, что у нас оставленные вещи и отсутствующий человек. Это разные факты.

Взгляд Надежды упал на бумажный уголок возле ручки сумки. Она могла разобрать несколько слов, не вытаскивая лист: «двенадцатого», «людей».

Ей сразу вспомнился разговор перед Смоленском. Во рту стало сухо.

В 03:52 она сообщила о происшествии по установленному служебному каналу и попросила связаться с ответственными службами на маршруте. В журнал внесли время обнаружения, место, сведения свидетелей и состояние найденных предметов. Телефон не включали, переписку не читали. Надежда настояла, чтобы никто не пересказывал предположения как проверенные сведения.

— Но она могла просто выйти, — сказал молодой проводник.

— Могла.

— И забыть вещи.

— Могла.

— Тогда чего мы...

— Потому что она спрашивала, что мы сделаем, если она исчезнет.

Он замолчал.

Сообщение о находке не сделало вагон тише. Пассажиры просыпались от шороха в коридоре, выглядывали из купе и спрашивали, что случилось. Кто-то слышал слово «полиция», другой уверял, что видел женщину выходящей в Смоленске. Каждый новый голос предлагал короткую версию, удобную для пересказа.

Надежда попросила проводницу отвести любопытных от купе и не обсуждать имена при посторонних. Пожилую соседку пригласили отдельно рассказать о последнем разговоре с Алиной. Та уверяла, что женщина собиралась «ненадолго выйти». Но когда Надежда осторожно уточнила, слышала ли свидетельница слово «Смоленск», женщина засомневалась.

— Может, и говорила, — сказала она. — Я уже спала одним ухом. Хотите, скажу, что говорила?

— Нет. Скажите то, что помните сами.

— Тогда не помню.

Это был неприятный, но хороший ответ. Он оставлял неизвестность на её настоящем месте.

Мужчина с книгой из того же купе вел себя раздражённо. Его разбудили, он долго искал очки и никак не мог понять, зачем его спрашивают о женщине, с которой он почти не разговаривал.

— Она у меня ни документов не просила, ни денег, — сказал он. — Просто сидела и смотрела в телефон.

— Вы видели, как она уходила?

— Нет. Я читал.

— А примерно когда она последний раз была рядом?

Он нахмурился.

— Не могу сказать. Я не смотрел на часы.

Надежда поблагодарила. Он задержал её у двери.

— А она правда пропала?

— Пока известно, что вещей здесь больше, чем людей, — ответила Надежда. — Остальное выясняют.

— Может, захотела уйти, вот и ушла?

— Может.

— Тогда чего все переполошились?

Надежда вспомнила записку под прозрачным чехлом и вопрос перед Смоленском.

— Потому что иногда человек уходит сам, а дальше случается то, чего он не хотел.

Она вышла прежде, чем мужчина успел задать новый вопрос.

***

К четырём утра дежурный сотрудник подтвердил, что информация об обстоятельствах передана дальше и согласуется порядок действий на ближайшей подходящей станции. Надежде нужно было обеспечить сохранность находки до законной передачи, а не исследовать её содержимое.

Молодой проводник предложил включить телефон: вдруг там есть контакты родственников.

— Нет, — ответила она. — Мы уже сообщили уполномоченным службам. Самостоятельно чужую переписку не смотрим.

— Но если человеку нужна помощь?

— Тогда как раз нельзя портить следы, которые могут помочь его найти.

Он не стал спорить, но видно было, что ему хочется сделать хоть что-нибудь. Надежда узнала в этом чувстве себя. Пассажир исчез, работа привычными средствами не возвращала его, и руки сами тянулись к предметам — проверить, открыть, позвонить.

Она попросила проводника аккуратно записать собственные наблюдения до появления слухов. Он сел у служебного столика и впервые за ночь серьёзно задумался, что видел, а чего только слышал от соседей.

— Я думал, всё было ясно, — сказал он через минуту. — А теперь получается, не знаю даже, когда она ушла.

— Значит, так и запиши.

В Вязьме они ещё шутили о мелочах. Сейчас между ними стояла тишина, в которой каждый боялся сделать ненужный шаг.

***

Ближе к Орше связались с сотрудниками, готовившими приём найденных предметов. Надежда несколько раз сверила перечень: сумка, телефон в выключенном состоянии, бумажная записка, описанное расположение вещей. Не нужно было перечислять содержимое, которого никто не проверял. Она указала, кто первым заметил находку, кто присутствовал при фиксации и какие действия предпринимали до передачи.

Состав всё ещё шёл через тёмные поля. В окнах купе отражались спящие лица. Человек, которого она видела живым два часа назад, теперь существовал в нескольких строчках журнала и в тревожных вопросах пассажиров.

Надежда вышла в тамбур и ненадолго прижалась лбом к прохладному стеклу. В голове возник голос женщины: «А если его нигде нет?» Тогда Надежда отвечала уверенно. Теперь выяснилось, что за уверенностью скрывалась работа, к которой она не имела привычного доступа.

Она выпрямилась, достала блокнот и ещё раз сверила время своего сообщения.

До Орши Надежда несколько раз возвращалась к записи. Она не могла поручиться, что женщина называла свою фамилию. Не знала, в каком купе та ехала до переселения. Не видела выхода на платформу. Но могла уверенно описать разговор и время последней встречи.

В Орше, на территории Беларуси, найденные предметы передали прибывшим уполномоченным сотрудникам при согласованном взаимодействии служб. Составили опись и документы о приёме. Надежда отдельно попросила внести, что личность владелицы пока не установлена по её собственному наблюдению, а путь сумки после обнаружения не доказывает путь пассажирки.

Один из сотрудников, уставший не меньше неё, посмотрел с любопытством.

— Вы всегда так подробно уточняете?

— Не всегда. Только когда от уточнения зависит, кого потом станут искать.

В Минск поезд прибыл утром. Надежда ожидала долгого объяснения с начальством. Она ещё не представляла, насколько долгим оно окажется.

У неё было две главные записи: о неисправной двери и о найденных вещах.

Обе, как ей казалось, были составлены ради одного — чтобы не выдавать отсутствие сведений за отсутствие происшествия.

Но в кабинете, куда её вызвали после сдачи состава, уже лежала распечатка с чужим заголовком.

«Пассажирка не установлена».

И под ним — список мест седьмого вагона.

***

Глава 6. В списке её нет

Утром Минск встретил Надежду обычным вокзальным шумом. Состав прибыл, и люди, спавшие всю дорогу, вдруг потребовали немедленного выхода так, словно их удерживали насильно. С полок летели шарфы, телефоны падали между сиденьями, колёса чемоданов бились о пороги. У молодой женщины обнаружилось, что её ребёнок потерял любимого игрушечного зайца; она вернулась искать и застряла в проходе. Надежда помогла проводнику расчистить дорогу, потом сама нашла игрушку за матрасом.

Мальчик прижал зайца к груди и погрозил Надежде пальцем:

— Не надо было его туда класть.

— Учту, — серьёзно сказала она.

Засмеялась его мать, потом проводник. Надежда тоже улыбнулась. Ночь не кончилась трагедией для большинства людей. Они приехали туда, куда собирались, взяли свои вещи и ушли. Эта простота была почти невыносимой рядом с пустой полкой в седьмом вагоне.

К моменту сдачи состава у неё накопилось несколько объяснений: об исправленной двери, о холодном купе, об обращении за медицинской помощью и об оставленных вещах. Первые три вызывали у проверяющих лишь усталое раздражение. На четвёртом сотрудники начинали говорить вполголоса.

— Вы понимаете, что уже появились запросы? — спросил представитель перевозчика, заглянув к ней без стука.

— Понимаю. Есть фамилия ответственного за приём вещей в Орше, время передачи, номера записей.

— Речь не только о вещах. Говорят, женщина пропала прямо из поезда.

— Я этого не говорила.

— Но вам приписывают.

— Тогда проверьте, кто приписывает.

Собеседник раздражённо сжал губы.

— Давайте без характера, Надежда Викторовна. Нам нужно снизить резонанс.

— Мне нужно узнать, где пассажирка.

— Сначала уточним, была ли она пассажиркой.

Он ушёл, оставив дверь открытой. Надежда закрыла её за ним и только тогда поняла, что с ночи ни разу не сняла форменную жилетку. Под воротником натёрло кожу, а на запястье виднелся след от ремешка часов. Она пошла умыться в служебное помещение. В зеркале лицо казалось старше сорока. Она вытерла щёки бумажным полотенцем и долго стояла, опираясь ладонями о край раковины.

Лера Соболь ждала возле раздевалки. Увидев начальницу, проводница сделала шаг вперёд, потом отступила.

— Вы хотели что-то сообщить? — спросила Надежда.

— Про отопление. Пассажиры потом не жаловались.

— Хорошо. Отметьте это в сдаче.

— А если по пересадкам спросят?

— Значит, расскажите, кого и куда разместили. Я не видела всей работы.

Лера опустила глаза и принялась мять сложенный лист. Надежда заметила, но решила, что девушка опять перепутала бланки. Десять минут спустя их позвали в разные кабинеты. Возможность поговорить исчезла.

В обед по местным каналам уже передавали короткую новость: в ночном поезде найден багаж неизвестной пассажирки. Кто-то из журналистов называл случай «загадочным исчезновением». Надежда смотрела на экран маленького телевизора в зале ожидания и видела своё

лицо на фотографии из служебного объявления многолетней давности. Ни интервью, ни разрешения использовать снимок никто не спрашивал.

Она набрала сестру.

— Маме пока ничего не говори, — попросила Надежда.

— О чём? Ты что, в какую-то историю попала?

— На работе происшествие. Разбираются.

— Ты цела?

— Я цела.

— Значит, не буду говорить. Но по телевизору уже что-то показывали. Это про тебя?

Надежда закрыла глаза.

— Да.

— А что произошло?

— Человек пропал. Пока не знаем где.

Сестра замолчала, потом сказала неожиданно тихо:

— Надь, когда ты говоришь «не знаем», у тебя голос такой, будто ты сама виновата.

Надежда хотела возразить, но не смогла. Она попрощалась и вернулась в служебный коридор, где уже ждал сотрудник с проектом распоряжения о возможном отстранении.

Он извинялся за неприятную формулировку, будто лично её придумал. В бумаге говорилось о необходимости объективной проверки, но рядом стоял пункт о возможном искажении сведений.

— То есть я пока не должна работать? — уточнила она.

— До решения руководства.

— А журнал?

— Уже передан.

— Оригинал?

Сотрудник нахмурился.

— Кажется, копия.

— Тогда попросите сохранить оригинал отдельно. Мне нужно, чтобы было понятно, где и когда он находился.

Он пообещал уточнить. Надежда попросила письменно. За всё утро это было первое распоряжение, произнесённое ею с привычной служебной уверенностью.

В соседнем кабинете кто-то сказал её фамилию. Голос принадлежал мужчине, которого она прежде не слышала. Тот спросил не о женщине в зелёном пальто, а о том, почему в журнале стоят два разных времени сообщения.

Надежда прислушалась. Похоже, проверка получила нового участника.

Её пригласили войти.

Виктор Ланской выглядел человеком, который не повышает голоса, потому что привык, что его слушают и без этого. Около пятидесяти, аккуратно подстриженный, с привычкой выравнивать край листа по кромке стола, он встретил Надежду не приветствием, а вопросом:

— Вы уверены в номере вагона?

— В седьмом я видела женщину дважды.

— Вы видели документы?

— Нет.

— Билет?

— Нет.

— Тогда на каком основании утверждаете, что она была пассажиркой именно этого вагона?

Надежда посмотрела на распечатку.

— Я утверждаю, что она была там. Если хотите узнать, где её билет, нужно проверить не только седьмой вагон.

Ланской положил ладонь на бумагу.

— Это полная выгрузка пассажиров.

— Какой именно части состава?

Он не ответил сразу.

— Сейчас не время для словесных игр, Надежда Викторовна. У вас служебное происшествие, а вы строите предположения.

— Я описала наблюдение. Предположение строите вы.

Сидевший у окна сотрудник кадровой службы напряжённо пошевелился. Ланской даже не повернулся к нему.

— Есть простой путь, — сказал он. — Уточните запись. Вы видели женщину, но могли перепутать вагон. Она оставила вещи, возможно, уехала иначе. Никакого сокрытия не будет.

— Если я перепутала, скажу. Но пока не перепутала.

— Вам придётся это доказать.

— Мне придётся правдиво рассказать, что я видела. Проверять сведения — не только моя работа.

Когда разговор закончился, Ланской попросил Надежду задержаться. Сотрудник кадровой службы вышел, оставив на столе ручку и недопитую воду.

— Вы опытный человек, — сказал Ланской, не поднимаясь. — И должны понимать, как такие истории выглядят со стороны.

— Я понимаю, как они выглядели из моего вагона.

— Вы всё время возвращаетесь к своим ощущениям.

— К наблюдениям.

Ланской открыл другую папку. На первой странице лежал проект пояснения, где значилось, что «выявленная при разборе неполнота первичных данных позволяет считать свидетельство недостоверным».

— Если подпишете, мы сможем быстрее закончить служебную часть, — сказал он. — Без громких последствий.

Надежда прочитала строку и вернула документ.

— Неполнота данных не означает ложь. И вы всё ещё не показали, что искали билет по всему составу.

Он улыбнулся так, будто она произнесла детскую дерзость.

— Я не обязан предоставлять каждому сотруднику доступ к внутренним системам.

— Я и не прошу доступ. Я прошу проверить охват списка.

— Наши специалисты проверили.

— Кто именно? По какой выборке?

Ланской закрыл папку.

— Вы исчерпали своё время, Надежда Викторовна.

В коридоре она почти столкнулась с женщиной из отделения работы с пассажирами. Та держала телефон и была взволнована.

— Вы Орлова? Вам здесь не велели отвечать прессе, но мне нужно уточнить: вы действительно видели пассажирку в седьмом вагоне?

— Да.

— А фамилию знаете?

— Нет.

— Тогда журналисты напишут, что вы ничего не можете подтвердить.

Надежда задержала дыхание. Ей хотелось продиктовать красивую фразу о собственном опыте, но в ней не было бы ответа на вопрос.

— Пусть пишут, что я видела женщину и сообщила о найденных вещах. Поиском её личности должны заниматься уполномоченные люди.

— Это плохо звучит.

— Зато точно.

Женщина посмотрела на неё с жалостью.

— Вам бы сейчас отдохнуть.

— Мне бы сейчас получить копии своих первичных записей.

Они разошлись. Надежда вернулась за личными вещами и обнаружила, что часть коллег перестала смотреть ей в глаза. Один проводник демонстративно уткнулся в экран телефона. Другой попытался похлопать по плечу и произнёс: «Не переживайте, разберутся».

— Кто разберётся? — спросила она.

Он пожал плечами.

Надежда поняла, что её страх уже стал для окружающих неудобным. Все хотели, чтобы неприятность исчезла так же тихо, как появилась.

Она не собиралась им помогать.

К вечеру распоряжение о временном отстранении вступило в силу. Формулировка была осторожной, а смысл ясным: женщине дали понять, что её свидетельство стало проблемой для компании.

На выходе она встретила Леру. Девушка остановилась возле автомата с кофе и посмотрела на неё с таким испугом, что Надежда сама заговорила первой.

— Ты что-то хотела?

— Нет. Просто... слышала про комиссию.

— Слышать мало. Если знаешь что-нибудь, говори там, где это фиксируют.

Лера опустила глаза.

В Москве в это время Максим Левин получал пакет материалов для независимой экспертной оценки. Он проверил даты, состав комиссии и список предоставленных приложений. Первое впечатление было неприятным для Надежды: обнаружение вещей оформлено с большим вниманием, а регистрация пассажирки в предъявленной выписке отсутствует.

— Возможно, сотрудник ошибся, — сказал заказчик.

— Возможно, — ответил Максим. — Но здесь нет исходной записи Орловой. Только перепечатка.

— Какая разница?

— Иногда несколько часов.

Он попросил предоставить рукописный журнал и сведения о том, кто сформировал выборку по пассажирам. Не из доверия к Надежде. Из привычки проверять источник.

Два года назад этой привычки ему не хватило.

***

Глава 7. Два времени

На следующий день в Москве лежал мокрый снег. Он превращался в грязь ещё до того, как успевал побелить асфальт. Максим Левин вышел из метро у офиса заказчика и остановился под навесом, чтобы дочитать сообщение от коллеги: «Орлова на связи. Настроена агрессивно. Осторожнее с формулировками».

Он удалил сообщение с экрана, не отвечая. Ему не нравились предупреждения такого рода: они заранее предлагали увидеть в человеке препятствие, а не источник сведений. Однако на вчерашнем совещании Максим и сам говорил примерно так же.

В сорок три он успел приобрести несколько профессиональных привычек, которые окружающие называли достоинствами. Он не опаздывал, всегда записывал вопросы и не любил говорить «полагаю», если мог написать «установлено». Последнюю привычку ему следовало пересмотреть ещё два года назад. Но тогда она приносила хорошие отзывы заказчиков.

Возле лифта его догнал молодой сотрудник службы качества. Парень держал коробку с бумагами, из-под крышки торчал уголок розовой наклейки.

— Вам туда, где Орлова? — спросил парень.

— Да.

— Она вчера устроила скандал из-за копии журнала. Все решили, что пытается что-то спрятать.

— А что было с копией?

— Не знаю.

— И вы уже решили, что это скандал?

Сотрудник смутился.

— Мне так сказали.

Максим поднялся на нужный этаж, прежде чем тот придумал ответ. В коридоре из кабинета донеслось громкое:

— Нет, я не подпишу объяснение, которое вы написали за меня.

Надежда вышла с листом в руке. На бумаге красовалась фраза: «В связи с напряжённостью обстановки могла неверно идентифицировать местонахождение пассажирки». Надежда прижимала лист к груди так, словно боялась, что его заберут.

Максим представился и попросил отдельно поговорить о хронологии.

— Вы не из кадров? — спросила она.

— Нет. Внешний эксперт по безопасности.

— Тогда зачем вам кадровые объяснения?

— Меня интересует, как появлялись и передавались записи.

— Прекрасно. Мне тоже.

В комнате оказалось тесно, хотя стол стоял один. На стене висел календарь с фотографией зимнего леса, рядом — инструкция о порядке сдачи документов. Максим снял пальто. Надежда не стала снимать свою форменную кофту.

— Сначала один вопрос, — сказала она. — Вы будете проверять находку вещей или меня?

— Сначала восстановлю факты. Если обнаружится нарушение порядка, оно тоже войдёт в выводы.

— Хороший ответ. Можно им ответить на всё, не сказав ничего.

Максим почувствовал раздражение. Обычно он ценил прямолинейность, но от Надежды она звучала как обвинение, высказанное ещё до встречи. Он положил на стол распечатку и предложил пройти по событиям.

— В документе указан доклад в 03:52. В электронной записи время позже. Вы понимаете, почему спрашивают?

— Понимаю. Не понимаю, почему это единственное, что спрашивают.

Он вытащил блокнот.

— Давайте разделим. Сначала времена. Потом женщину.

— Её нельзя разделить с временем, — ответила Надежда. — Иначе вы опять получите правильную таблицу без человека.

Максим не успел возразить: за дверью кто-то сказал, что оригинальный журнал уже увезли в архив и до обеда его не достанут.

Надежда резко встала.

— Вчера я просила сохранить его для проверки.

— Его сохранили, — сказал Максим. — Это не значит, что кто-то прячет.

— Вы ещё не видели бумагу и уже готовы объяснить, почему она недоступна.

Он хотел ответить резко, но заметил, что она не нападает на него лично. Она пытается удержать предмет, исчезновение которого лишит её возможности защитить собственную работу.

— Я уточню цепочку передачи, — сказал он. — И зафиксирую, что на начало встречи оригинал не представлен.

Она медленно села обратно.

До обеда они обсуждали десять минут ночного маршрута. Трижды Максим просил повторить, кто стоял в коридоре; Надежда дважды честно признала, что не помнит лиц; один раз ошиблась с последовательностью звонков и сама исправила запись. Он отметил исправление без комментария. В её рассказе было слишком много неудобных для неё подробностей, чтобы уверенно назвать его выдуманным, и слишком мало формальных подтверждений, чтобы счесть доказанным.

На перерыве Максим позвонил своему бывшему наставнику, давно ушедшему на пенсию.

— Помните, вы говорили, что плохой отчёт узнают по красивой логике? — спросил он.

— Говорил. А что случилось?

— Два времени в разных системах. Все спорят, какое настоящее.

— А первичная запись?

— Пока не видел.

— Тогда чего звонишь? Посмотри. Потом поговорим.

Разговор оборвался. Максим невольно улыбнулся: наставник умел укладывать профессиональный урок в один вздох.

За дверью Надежда разговаривала с сотрудницей, которая плакала из-за затянувшегося больничного. Надежда не утешала её общими словами, а помогала выяснить, кому отнести заявление и что нужно сохранить из переписки. Когда женщина ушла, Надежда заметила Максима.

— Подслушивали?

— Нет. Ждал.

— Ну и что, снова будем начинать с таблицы?

— С оригинала, когда его принесут.

Наконец журнал появился. Максим осторожно развернул его на чистом столе. На бумаге виднелись вмятины от записей, сделанных на предыдущих страницах. Это ничего не доказывало само по себе, но помогало понять, как им пользовались. Чернила были разными: одну строку заполняли тонкой синей ручкой, следующую — более широкой.

— Ручка кончилась, — объяснила Надежда. — Взяла у проводницы.

— Кто может это подтвердить?

— Проводница. Но не надо требовать, чтобы она вспоминала цвет чернил. Спросите только то, что видела.

Максим снова записал её ответ. Согласиться с ней оказалось труднее, чем он ожидал.

Разговор о журнале вышел труднее, чем Максим ожидал. Надежда по-прежнему ждала подвоха в каждом вопросе.

— Вы тоже будете спрашивать, не приснилась ли мне женщина? — сказала она.

— Нет. Я спрошу, когда появилась запись.

Он разложил два листа. На первом время внесения электронного отчёта было утренним. На втором значились часы ночного происшествия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.